

Хэ Сы, загнав собеседника в тупик, почувствовал душевное облегчение и, словно увядший кочан капусты, повалился отдохнуть. Постепенно жар в голове спал, и к нему вернулось сознание. Каждое его недавнее слово и действие с пугающей скоростью проносились в памяти. В висках загудело, и он весь мелко задрожал.

С трудом подняв руку, он прикрыл лицо, не решаясь взглянуть на Лу Чжэнмина рядом.

Лу Чжэнмин заметил это движение и мысленно сказал: «Ага», — поняв, что Хэ Сы наконец-то пришёл в себя. Это показалось ему забавным, словно он обнаружил невероятную тайну. Неблагодёжно усмехнувшись, он не стал разоблачать Хэ Сы, а вместо этого подхватил его же слова:

— Хотя сейчас я беден как церковная мышь, без дома и земли, но в будущем всё может измениться. Не согласится ли тогда господин наместник на этот брак?

На сердце у Хэ Сы было пусто и мрачно, и он вовсе не хотел продолжать этот разговор. Он не мог понять: ещё полдня назад он балансировал на грани жизни и смерти, а теперь сидит на заброшенном кладбище с офицером императорской гвардии под открытым небом и обсуждает свадьбу?!

Сюжет мчался, словно взбесившийся жеребец, и Хэ Сы уже не мог удержать поводья.

Вспомнив про кладбище, Хэ Сы приоткрыл один глаз и огляделся. Оказалось, он уже не в том полуразрушенном шалаше, а в покосившейся хижине, где хоть какая-то крыша над головой имелаась.

Расколотую пополам дверь подперли палкой. Пространство было тесным, похожим на заброшенный родовой храм.

Перед ними тлел жалкий костёр. Из-за недавнего дождя в воздухе висела сырость, и огонь еле теплился, готовый вот-вот испустить дух — совсем как нынешний Хэ Сы...

С усилием приподнявшись, Хэ Сы прислонился к глиняной стене, как до того Лу Чжэнмин, и холодно буркнул:

— Сначала добейся положения, тогда и поговорим.

Лу Чжэнмин ничего не ответил, лишь тихо и довольно свистнул, словно они с Хэ Сы только что заключили договорённость.

Хэ Сы злобно подумал про себя: «Будь уверен, раньше, чем ты возвысишься, я собственными руками прикончу этого подлого негодяя, который пнул лежащего!»

Какое-то время оба молчали, тихо греясь у едва живого костра.

Вскоре Хэ Сы уже не выдержал этой зловещей тишины и спросил вполголоса:

— Как мы сюда попали? — Он сделал паузу. — Нас никто не ищет?

Лу Чжэнмин лениво ворошил у огня грязную одежду неопределённого цвета:

— Ночью на кладбище много бродячих псов, что раскапывают могилы в поисках падали. Чтобы они не приняли нас за покойников из одной с ними компании, я и перенёс господина наместника сюда, переждать опасность. А почему не пришли из Восточной палаты? — Он

невинно развёл руками. — Откуда знать мне, мелкому офицеру императорской гвардии?

Победить его в схватке Хэ Сы не мог, поэтому, стараясь сохранять спокойствие, спросил снова:

— А ты и поджог в квартале Дунпин...

Лу Чжэнмин вдруг перебил его:

— Господин наместник, знаете, вы во сне разговаривали?

Хэ Сы слегка вздрогнул и посмотрел на него в растерянности.

Взгляд Лу Чжэнмина скользнул по его плохо прикрытой ключице. Серебристый воротник едва прикрывал белую кожу, но кое-где всё же проглядывал лёгкий румянец...

Словно первые лучи палящего солнца или отблеск на хвостовом пере феникса.

Хэ Сы совершенно не заметил изучающего и несколько откровенного взгляда Лу Чжэнмина. Он был охвачен тревогой. Он не знал, не проболтался ли в бреду о своих коварных планах уничтожить императорскую гвардию и возвести Восточную палату на вершину могущества.

Вдобавок он беспокоился, не выболтал ли в беспамятстве все свои постыдные секреты: как в три года намочил постель, в семь был укушен собакой за задницу, в десять пытался подарить цветы служанке из дворца Чанчунь, но приёмный отец схватил его за ухо, затащил в чулан, где он всю ночь ревел, пуская сопли и слёзы.

Пока Хэ Сы пребывал в мучительной тревоге, негодяй Лу Чжэнмин не спеша, не торопясь, швырнул в костёр сырую ветку.

Отлично. Едва тлеющее пламя с шипением погасло окончательно.

Вверх поплыла тонкая струйка дыма. При лунном свете, сочившемся сквозь разбитое окно, лицо Лу Чжэнмина казалось неясным. В сочетании с его рваной одеждой, будто вылезшей из пожара, он и впрямь походил на злобного призрака, бродящего в ночи.

Хэ Сы машинально полез за пазуху. Отлично, его пилюля защиты сердца пропала. Теперь ему придётся самому справляться с этой жизнью, которая суровее, чем... ну, вы поняли.

Конечно, даже если бы ему подсунули собаку, он бы ничего не смог поделать, ведь он, проклятый небесами, был евнухом от рождения.

Хэ Сы собрал волю в кулак, применил свой коронный приём — надул щёки, изображая уверенность, — и равнодушно произнёс:

— Да? А я и не знал, что имею привычку говорить во сне. — Его взгляд скользнул и встретился со взглядом Лу Чжэнмина. — Офицер Лу, советую быть поосторожнее. Некоторые вещи должны оставаться за дворцовыми стенами. За их пределами они могут стоять жизней.

«Ответный удар! Не испугаешься — молодец!»

Хэ Сы надеялся навесить на Лу Чжэнмина ярлык «посягателя на дворцовые тайны» и заткнуть его наглый рот.

Но Лу Чжэнмин спокойно покачал головой и, тоже с лёгкой усмешкой глядя в глаза Хэ Сы,

тихо сказал:

— Господин наместник говорили не о делах Запретного города, а о себе. Не хотите спросить, о чём именно?

На лице Хэ Сы — покой как в танке, внутри же — полный хаос и паника.

Конец, конец! Он наверняка знает про тот позор в три года, про укусы собаки в семь и про то, как в десять он пытался приударить за девушкой, но вместо этого был жестоко наказан судьбой!

Жизнь слишком жестока, а он всего лишь восемнадцатилетний юнец. В душе Хэ Сы слёзы текли ручьём, затопляя городской ров.

Собрав последние крохи достоинства, Хэ Сы изрёк:

— Ну, рассказывай, что же я там наговорил во сне?

Лу Чжэнмин больше не обращал внимания на потухший костёр. Он, словно замёрз, потёр руки, обхватил себя и откинулся на столб. Улыбку его Хэ Сы разглядеть не мог:

— Если скажу, господин наместник точно разгневется и, возможно, потом припомнит мне.

Хм, хоть понимаешь. Хэ Сы, не меняясь в лице, сказал:

— Разве я настолько мелочен? Говори.

Лу Чжэнмин склонил голову, словно действительно оценивая, насколько тот мелочен, и вдруг ослабил:

— Конечно, нет. — Он сделал паузу, мучая Хэ Сы медлительностью, и растягивая слова, произнёс:

— Я слышал, как вы плакали.

Хэ Сы опешил.

Лу Чжэнмин, словно угадав его недоумение, спокойно усмехнулся:

— Поначалу я не мог поверить своим ушам. Ведь господин наместник занимает высокое положение, под вами лишь один император, а над вами — тысячи людей. Вы держите в руках жизни и смерти множества подданных. Во всей Великой Янь нет человека влиятельнее и знаменитее вас. — Он слегка сжал губы. — Почему же вы плакали так... горько?

Последние три слова Лу Чжэнмин произнёс очень тихо, будто боясь, что, упав чуть тяжелее, они что-нибудь разобьют.

Сердце Хэ Сы, что висело где-то в горле, по мере этих слов медленно опустилось вниз — но лишь в пучину недоумения.

Конечно, его детство и даже отрочество прошли в скитаниях, и, оглядываясь назад, он видел лишь ухабы и колдобины.

Но Хэ Сы редко считал это горькой долей. Может, оттого, что был забывчив: стоит лишь

свернуть языком леденец, и о самых трудных временах понемногу забываешь.

Странное выражение появилось на его лице:

— И это всё?

Лу Чжэнмин склонил голову набок и многозначительно спросил:

— А что ещё господин наместник хотел бы, чтобы я услышал?

Хэ Сы на мгновение опешил. Желание убить свидетеля на время поутихло. Он поспешил сделать вид, что это неважно:

— Наместник Восточной палаты — тоже человек. Не только во сне, но и наяву, стоит мне вспомнить о безвременно почившем прежнем императоре и о нашем государе, осиротевшем в детстве, как слёзы сами текут из глаз.

В качестве весомого доказательства Хэ Сы очень натурально опустил голову и вытер сухие уголки глаз.

Лу Чжэнмин: «...»

Толстокожих людей он повидал немало, но такого бесстыдного встречал впервые...

Благодаря «блестящей» актёрской игре Хэ Сы удалось выиграть этот раунд. Он не желал больше задерживаться на теме своих снов — кто знает, какие ещё постыдные тайны мог подслушать этот Лу Чжэнмин. Тьфу, вычеркнуть, забыть!

<http://bllate.org/book/16284/1467038>